

XX-Й ВЕК: КРИТИКА МАССОВОЙ КУЛЬТУРЫ – СТРАХ ПЕРЕД ТОЛПОЙ

Первые критические теории массового общества датируются XIX веком. Но только политические движения в начале XX столетия, а также перемены в культуре позволили элитам этого времени осознать последствия происходящих процессов, что и актуализировало пересмотр оценочных суждений относительно состояния массовой культуры. Большое значение имели революционные выступления и характер I-й мировой войны – впервые на исторической арене массы указали на свою роль, возможность грандиозной деятельности.

Цель статьи состоит в рассмотрении некоторых критических тенденций массовой культуры для более глубокого анализа ее современных состояний.

Элементы критики массового общества присутствовали еще раньше, в начале XIX века, например в идеях консерваторов. К их популяризации и развитию в последовательную теорию массового общества имел отношение Х. Ортега-и-Гассет. В работе «Бунт масс» он излагал следующее: «Масса это средний, заурядный человек. Таким образом, то, что раньше воспринималось как количество, теперь предстает перед нами как качество; оно становится общим социальным признаком человека без индивидуальности, ничем не отличающегося от других, безликого «общего типа» [1, с. 121]. «Массы – это собрание людей, не обращающих на себя внимания, являющихся только подражанием биологического типа» [2, с. 7].

Окидывая взором весь XX век, мы уже знаем, что предвидения Ортеги-и-Гассета не могли быть верны и объективны, так как массовое общество, в том виде, как оно предстояло перед Ортегой, было еще вовсе незрелым и несовершенным – это были массы, вынесенные политическими волнами первых десятилетий XX века. Поначалу это была революция в России, а затем – европейские фашистские движения. Разумеется, качественно это были те же массы, с которыми мы сталкиваемся и в конце века. Однако тот факт, что массы так легко подчинялись воздействию различных тоталитарных идеологий, свидетельствует о следующем – они уже тогда искали соответствующей им культурной тождественности. Уже тогда массы чувствовали собственное значение, соответствующее их количеству, но не осознавали собственной роли и силы воздействия на культуру. Именно поэтому так легко удалось приобщить массы к коммунистическим и фашистским течениям.

Общество Третьего Рейха – подчиненное иерархии и сосредоточенное на идее Народа (масса – раса) – являлось совершенной глорификацией (прославлением) просветительского идеала государства масс. Подобное положение мы наблюдаем и в индустриальных социалистических странах. Массовые атрибуты этих обществ могли полностью реализоваться лишь в грубой политической форме – нельзя сказать, что здесь присутствовали некие признаки гражданского общества. Во всех остальных плоскостях – культурной, нравственной, экономической и других – это вовсе не были массовые общества.

Сегодня мы уже знаем, что предпосылками фактического создания массового общества является комплекс политических, экономических, цивилизационных и культурных обстоятельств. Единственное, что мы в этом процессе в состоянии вычленить, это определенная хронология эмансипирования масс. Первые ее этапы состояли в возможностях свободного предпринимательства (свободная хозяйственная

деятельность), а затем пришла свобода труда; следующим этапом была свобода потребления и приобретения всего необходимого и, наконец, свобода политической деятельности (политическая свобода)¹. В итоге, это привело общество к своеобразной гипердемократической эйфории, в каковой, кажется, живет массовое общество и сегодня. Вероятно, не такое общество имели в виду либеральные философы начала XX века. Однако, как сказал Ортега, уже не время жаловаться на только что возникшую гидру [1, с. 125].

По мнению Ортеги, новую ситуацию можно определить как «бунт масс». Он ведет к разрушению традиционного общественного строя. Традиционный строй – это иерархическая структура, на вершине которой находится доминирующее политически, экономически и культурно меньшинство. Аристократическое меньшинство является для бескачественных масс источником обязывающих норм, ценностей и идеалов. В руках этой группы находится собственность и власть, и, благодаря этому, она вполне владеет пространством общественной жизни, создавая элитарную культуру и искусство. Массы используются в хозяйственных процессах, не учитывая деятельного фактора, дремлющего в них.

Эмансипированное массовое общество разрушает эту иерархию если не в отношении к собственности, то, несомненно, в отношении к культурной и политической сферам. Исчезает доминирующая группа, но ее место массы не занимают – не существует ничего похожего на массовый авангард. Но, с другой стороны, это не значит, что исчезает элитарная культура и искусство – с этого момента рядом с ней существует массовая культура, более мощная и влиятельная, чем традиционная.

Интересную панораму меняющегося сознания, менталитета и установок человека эпохи массовой цивилизации дал Дэвид Ресман в книге «Толпа одиноких» [4]. Самый главный упрек, предъявляемый философом современному человеку, заключается в том, что он отрекается от аскетического и сурового индивидуализма предков и подчиняется групповому конформизму, становится инертным и спокойным, незаинтересованным в перспективах новой цивилизации. Ресман пишет, что в своей книге он занимается вопросом двух революций, изменивших со времен средневековья общественную характеристику человека. Первая революция, шедшая от Возрождения через Реформацию и Контрреформацию к промышленной революции и политическим переменам XVIII и XIX века. Вторая революция – это переход от цивилизации производства к цивилизации потребления. В этой последней образуется модель определенного Ресманом человека, управляемого извне. До сих пор речь велась о первой ступени цивилизационного развития, о человеке, управляемом традицией, на второй ступени – с человеком внутриуправляемым. Цивилизация потребления характеризуется тем, что в ней особое значение для приспособления к общественной жизни имеет ориентировка на ожидания и чаяния других людей [4, с. 10-11]. «Человек, управляемый традицией, не строит отношения к себе в личностных категориях. В меньшей мере возможно то, что он мог бы строить собственную судьбу согласно каким-либо личным далеким целям, или представить себе судьбы собственных детей или членов семьи. (...) внутриуправляемые люди, собственно приобретают это чувство обладания личной жизнью и смотрят

¹ Макс Вебер пишет так: «Но в новое время на Западе развивается ... совсем другой, до сих пор не известный, тип капитализма. Регионально-капиталистическая организация свободного труда» [3, с 8]. Он также пишет, что носителями нового стиля и духа были начинающие с небольших имуществ выскочки [3, с 45-49]. См. также польский фильм «Земля обетованная».

также на своих детей как на личности, которых ожидает собственная судьба» [4, с. 25]. Обстоятельства, связанные с наступлением новой эпохи, т. е. цивилизации потребления, вызывают необходимость появления нового типа человека – человека, управляемого извне. «Общим качеством людей управляемых извне является сила общественного мнения – общества, близкого ей непосредственно или опосредованно при помощи средств массовой информации. Конечно, эта сила оказывается «внутренней» в том смысле, что установка на нее выработана с детства. Цели, к которым стремится личность, управляемая извне, претерпевают изменения в результате воздействия этой силы; неизменным остается лишь само стремление и привычка обращать внимание на сигналы извне. Этот способ ориентации на других вызывает специфический тип поведения; приспособление совершается не посредством дисциплинирования действий, как это происходит в традиционной культуре, но более посредством исключительной восприимчивости к действиям и желаниям других» [4, с. 29]. Личность, управляемая извне, космополитична, а значит, сформирована глобальной культурой. Для нее не существует границы между тем, что уже известно и тем, что еще не изведано. Разве это не способствует укреплению массовой глобальной культуры и личностей рожденных ею?

Массовая культура – неотъемлемый аспект массового общества, которое возникло в ходе процессов индустриализации и урбанизации. Так об этом пишет один из теоретиков массовой культуры Д. Стринати: «Отторжение типично сельскохозяйственного отношения к земле, разрушение плотных сельских общин, упадок религии, а также секуляризация общества, связанная с ростом научного знания, распространение машинного, монотонного и отчуждающего фабричного труда; установление образцов жизни в мегаполисах, переполненных анонимной толпой, довольно низкая нравственная интеграция – это основные атрибуты массового общества и массовой культуры» [5, с. 18].

Критика массового общества свое яркое воплощение нашла в теоретических рассуждениях, относящихся к новому культурному пространству существования масс, т. е. по отношению к массовой культуре. Одними из первых выдающихся антагонистов этого, уже образовавшегося феномена были Д. Мэкдональд, К. Гринберг и Э. ван ден Гааг [6; 7; 8].

Гринберг уже в 1946 году в работе «Авангард и китч» отмечает огромное несоответствие между разными культурными артефактами (например, между поэзией Т. Элиота и обложкой популярного журнала) [9, с. 37]. По мнению Гринберга, осмысление феномена новой популярной культуры невозможно вне решения проблемы авангардного искусства. Оказывается, что когда искусство вышло из сферы публичной, когда оно отрелось от обыденного опыта, оно стало искусством беспредметным, формальным. В дальнейшем современное общество отказалось от такого рода искусства – публика уже не в состоянии была восхищаться, наслаждаться, прочувствовать произведение искусства, которое было замкнуто лишь на себе самом. Искусство, которое не в силах заинтересовать человека, вытесняет китч. К. Гринберг пишет: «Китч, используя в качестве сырья искаженные и застывшие суррогаты подлинной культуры, охотно приветствует и развивает установку бесчувственности. Он является источником прибыли. Китч – явление механическое, оперирующее застывшими клише. Он несет эрзац впечатлений и подделку чувств. Китч изменяется в зависимости от стиля, но всегда остается самим собой. Китч выражает все то, что лживо (фальшиво), в наше время» [9, с. 44]. Распространение культуры, образцом которой является китч, возможно благодаря вхождению в культурное пространство массового общества, которое уже достаточно грамотно, но не развито в культурном отношении и которому культура необходима только в качестве развлечения.

Существующие до сих пор каноны «хорошего» и «плохого» искусства размываются. Культура, возвращенная на китче, оказывается безрефлексивной. В подлинном искусстве рефлексивность является субъективным итогом общения с произведением, результатом духовной трансформации, вызванной этим произведением. Поскольку в китчевом произведении рефлексивность (в виде сентиментальности – Р.С.) заранее включена в его структуру, художественные переживания даются реципиенту как бы в пилюле. А значит, популярная культура не способствует развитию духовности и в последствии тормозит расширение духовного потенциала личности.

Следующий шаг на пути к осмыслению затронутой нами проблемы сделал Дуайт Мэкдональд, который в работе 1953 года «A Theory of Mass Culture» обрисовал образ общества, потребляющего такую культуру.

Мэкдональд хорошо понимал исторические детерминанты становления этой культуры. «Исторические причины развития массовой культуры после 1800 года общеизвестны. Политическая демократия и распространение образования разрушили монополию высшего класса в области культуры. Предприниматели нашли способ зарабатывания денег путем удовлетворения культурных потребностей только что разбуженных масс, а прогресс техники сделал возможным дешевое производство книг, картин, музыки и мебели в достаточном количестве, чтобы удовлетворить рынок. Новая техника создала такие новые средства, как кино и телевидение, прекрасно соответствующие массовому производству и массовому распределению» [8, с. 21].

Этот вновь образованный феномен Мэкдональд определяет термином «массовая культура», потому что, по его мнению, она имеет исключительно потребительский характер и является таким же продуктом потребления, как и жевательная резинка. Поэтому решающим аспектом в производстве массовой культуры является не индивидуальный художественный замысел, но безличная мера товарного производства. В такой культуре вытесняются произведения высокого уровня. Впрочем, так бывает не всегда – очень часто произведения высокой культуры пользуются большой популярностью.

По мнению Мэкдональда, массовая культура – это фабричный продукт, эффект хозяйственной деятельности, поэтому маркетинговый аспект доминирует над аспектом целевым (целеполагание). В этом смысле мы можем говорить, что массовая культура дана нам сверху. «Она создается техническими исполнителями, нанятыми людьми бизнеса. Ее получатели – пассивные потребители. Их участие ограничивается выбором между покупкой или отказом от покупки. Короче говоря, властители китча эксплуатируют культурные потребности масс для того, чтобы получить прибыль и (или) поддержать господство собственного класса. Мэкональд не ошибается даже в отношении к современному маркетингу, который сегодня уже не является примитивной формой приближения продукта к потребителю – его средства стали многообразными и искусными. И, хотя сегодня сначала «продается» продукт, а уж потом занимаются его производством, цель остается прежней.

Мэкдональд выделял революционную силу массового общества, но последствия этого оказали пагубное для всеобщего состояния культуры влияние, так как предыдущее гармоничное разделение на культуру высокую и низкую исчезает. Народная культура теряет силу духовного интегратора народных слоев, силу потенциальногокрепления массового общества. Новая культура формируется на развалинах существующей до сих пор структуры и, в лучшем случае, является вульгарным отражением высокой культуры.

Другой важной чертой, отличающей массовую культуру от культуры высокой,

является, по мнению американского мыслителя, то, что творческая деятельность в рамках этой культуры подчиняется механизмам распределения труда так же, как и остальные сферы человеческой активности. Культурная деятельность становится таким же отчужденным трудом, как все остальные. Художники прошлого стремились придать собственным произведениям единство и тождественность посредством фиксации в них собственной индивидуальности, что и свершалось во время индивидуальной обработки (творчества). Культура же времен Мэкдональда явилась продуктом фабричной процедуры, обеспеченной специалистами, а, следовательно, она теряет атрибут индивидуальности. Даже тогда, когда речь идет об античных произведениях искусства, то предпосылкой их единства оказывается отношение к единой традиции, они соединены единым духом так, как будто единый ум работал над ними. Массовая культура снимает это, поэтому неизвестно, на чем, собственно, построена тождественность произведения [8, с. 24-25].

Самой большой угрозой массовой культуры Мэкдональд считает гомогенизацию культуры, вытекающую из массового производства. Причиной этого является проецирование артефактов массовой культуры на нужды среднего потребителя. Производство культуры, как и любой другой продукт, подчиняется маркетинговым инструментам – оно не может иметь качеств, отталкивающих потребителя.

Рассматривая массовую культуру, Мэкдональд замечает ее иррациональные тенденции, что особенно очевидно в значении роли науки в этой культуре. Здесь видение науки изменилось – от позиции деятельно-рациональной оно перешло к позиции магической и даже катастрофической, что прекрасно соответствует мещанскому духу этой культуры (см. у Ницше). Наука трактуется инструментально: «Так называемая наука дает человеку власть над окружающей средой и является благодетельной. Однако сама наука является непонятной, следовательно, не подчиняется никакой власти и поражает своей мощью. И, подаваемая как сверх-высокая Тайна, становится любимой темой фильмов ужасов, комиксов и др.» [8, с. 30].

Массовая культура не может быть иной потому, что она предназначена для масс, так как массы предстают в качестве дезорганизованной, покоренной, лишенной традиций и чувств общины. «В историческом времени (массы – Р.С.) являются тем же, что и толпа в пространстве: огромным количеством людей, неспособных выразить себя как человеческое существо потому, что их не объединяют отношения, свойственные ни личностям, ни членам общины – ничто не объединяет одного с другим, звеном является нечто отстраненное, абстрактное, нечеловеческое: игра в футбол или распродажа – по отношению к толпе, партия или государство – по отношению к массам. Человек массы является одиноким атомом, подобным миллионам, не отличающимся от миллионов, составляющим так называемую «толпу одиноких», как правильно определил американское общество Дэвид Ресман (David Riesman)» [8, с. 31].

Масштабы массового общества переносятся, по мнению Мэкдональда, на совершенно отличную качественную характеристику общества и культуры. Личность является тут чем-то иным, нежели в традиционном обществе. Прежде отдельный человек представал как гармоничный сплав индивидуализма и социализации², зато здесь, в массовом обществе, функционирует как свободный атом. Именно поэтому всеобщая духовная жизнь

²Мэкдональд употребляет понятие коммуникативизм (от англ. common – общий, общественный), но это одно и то же, что и социализация.

массового общества формируется с учетом общего знаменателя. И именно это является предпосылкой снижения нравственности и ценностей до уровня людей примитивных и наименее образованных.

Первые архетипичные средства массовой коммуникации – это пресса, радио и кино. С самого начала их появления они вызывали сомнения и пугали, прежде всего, коммерческим подходом к культуре, пропагандистским использованием новых средств посредством коммунистических и фашистских режимов.

Массовое общество представлялось теоретикам как толпа, подвластная манипуляции и пропаганде и, следовательно, в таком же направлении осознавалась и массовая культура [5, с. 17].

Человек, существующий в таком обществе полностью обособлен и может полагаться только на себя; он приобщен ко всему миру, но не чувствует крепкого единства ни с одной общиной и институтом. В связи с этим, он не идентифицируется с какой-либо системой ценностей, стилем жизни, нравственностью. Тем более, что такие традиционные общественные институты, как семья, локальная община, церковь, находятся в упадке. Таким образом, члены массового общества воспринимают себя практически и нравственно как единицы, как люди-атомы. Отсюда происходит необходимость в суррогате приобщения, в дополнительной духовности. Именно на эту потребность во многих случаях откликается массовая культура [5, с. 19].

Такие взгляды свидетельствуют также о том, что общественные элиты не верили в силу общественного образования, в то, что оно в состоянии внушить массам необходимость высокой культуры и искусства. Можно спросить, чем же занимается образование, если оно не формирует творческой личности, а только инертного человека как шестеренку машины. Следовательно, либо образование не служит гуманитарной цели формирования человека и оно – только проявление царствования идеологии определенного класса, либо культурные нормы, ценности и вкусы не являются объективно общепринятыми и зависимы от социального положения, власти, религии, идеологии и т. п. Это значит, что в традиционном обществе никто не заинтересован в уменьшении собственного культурного превосходства.

Следовательно, современное общество устанавливает идеальный механизм саморазвития и самоочищения, так как для многочисленных групп и отдельных людей ценностным покажется именно то, что находится на окраинах культуры.

Литература:

1. Ортега-и-Гассет Х. Бунт масс // Вопросы Философии. – № 3. – 1989.
2. Ortega y Gasset J. Bunt mas i inne pisma socjologiczne. – Warszawa, 1982. – с. 7. Хосе Ортега-и-Гассет. Философия. Эстетика. Культура. Материалы “круглого стола”, янв. 1993, ред. Э.Я. Мозговая. – М., 1993.
3. Weber M. Etyka protestancka a duch kapitalizmu. – Lublin, 1994.
4. Riesman D. (oraz Glazer N., Denney R.). Samotny tłum. – Warszawa, 1971.
5. Strinati D. Wprowadzenie do kultury popularnej. – Poznań, 1998.
6. Chiaromonte N. Co pozostaje : notesy 1955-1971. – Warszawa 2001.
7. Ernst Van den Haag. Kultura popularna // Super-Ameryka, Szkice o kulturze i obyczajach. Wyb. i oprac Kossak J., Górnicki W. T. 1. – Warszawa, 1970.
8. Macdonald D. Teoria kultury masowej // Kultura masowa, przeł. i oprac. Czesław Miłosz. – Kraków, 2002.
9. Greenberg C. Awangarda i kicz // Kultura masowa, przeł. i oprac. Czesław Miłosz. – Kraków, 2002. – с. 37.